

Владимир Чистополов

18+

Чужие

Там, где сны переплетаются с явью,
живут странные существа

Несколько "нехороших" рассказов

Владимир Иванович Чистополов

Чужие. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50478550

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-07839-0

Аннотация

Многое из того необычного, что творится рядом с нами, часто остается незамеченным. А ведь иногда странные вещи случаются. Мы просто не обращаем на это внимания. И только столкнувшись с таинственными, непонятными и пугающими проявлениями какой-то другой жизни, понимаем, что есть нечто, неподвластное нашей воле и существующее независимо от нас. Время идет, жизнь необратимо меняется. Лишь книги о приключениях и фантастика изредка напоминают нам о существовании некой "нечистой" силы. Казалось бы, ничто не может уже потревожить наш цивилизный, правильный мир. Но так ли это на самом деле?

Содержание

Чёрная утка	4
Неудачная охота	4
Ночлег в избе с весёлыми хозяевами	9
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Владимир Чистополов

Чужие. Сборник рассказов

Чёрная утка

Неудачная охота

– Не может быть, – Егор смотрел, как его собака нарезает круги по воде в том месте, где только что зеркальную поверхность разбил сноп дробы, выпущенной по утке. Смысленный спаниель в поисках добычи упрямо кружил вблизи противоположного берега озерца, но ничего не находил.

– Что за чертовщина, – охотник наблюдал за собакой, машинально перезаряжая ружьё. Он был очень удивлен случившимся. Чёрная утка, в которую он стрелял уже в третий раз, упрямо не желала попасть в его ягдташ.

– Не понимаю, – Егор еще раз прикинул расстояние до цели – не более 25 метров, – не мог я промахнуться, это невозможно...

Он прекрасно видел, как после выстрела дробовая осыпь со всех сторон накрыла птицу. Она не попыталась взлететь или нырнуть, не распласталась на поверхности воды. Она просто исчезла.

Старое, надежное, пристрелянное ружьё ИЖ-54, из которого он влёт легко сшибал вальдшнепов, шансов дичи не давало. Патроны сам собирал – навески дроби и пороха выверены до сотых долей грамма, давно научен в таких вещах не ошибаться. Дробь № 6, согласованная с 18 миллиметровым получоком. В общем – все по уму. За свою охотничью практику он столько уток добыл – сосчитать трудно. А здесь в третий раз стреляет по сидячей цели и безрезультатно.

Странная утка. Чёрная, как головешка. Такие за годы охоты ему еще не попадались. На воду, в отличие от крякв, садится совершенно бесшумно. Впервые он ее позавчера увидел. Сидел на берегу этого затерянного на просторах России безымянного озера, спрятавшись в кустах, в надежде, что вечером на жировку к чистой воде из крепей утки полетят. Вечер был тихий, выстрелов вездесущих местных ушлых охотников, любящих пошмалять из дробовиков по дичи на вечерней зорьке, не было слышно. Хотя места тут, довольно дикие, полтора часа по трассе до города, если ехать быстро.

Смеркаться уже начало, когда из-за камыша в двух десятках метров от него эта утка выплыла. Пролёта ее он не видел, возможно, с другой стороны зашла. И посадки на воду не слышал, хотя было безветренно. Шлепки играющих карасей наполняли вечернюю тишину музыкой живой Природы. Здоровенная чёрная утка бесшумно плыла по зеркальной глади воды.

Егор неторопливо прицелился и выстрелил. Собака, как всегда стремглав кинулась в воду. Долго плавала, но ничего не нашла. Она, бывало, подранков из гущи камыша вытаскивала, в ряску болотную с головой за ними ныряла и доставала всегда. Умная и старательная собака. А в тот раз пустая вернулась. Обиженно смотрела на хозяина, что же ты, дескать, охотник такой-растакой зря меня гоняешь по холодной воде. Мазло!

Погладил Егор собаку, приласкал, успокоил. Виноват. Плохо выстрелил, прости родная. Хотя странно...

Перекантовавшись ночь в машине, а днем побродив по окрестным угольям, он подстрелил двух рябчиков. Выпотрошил птиц, сыпанул внутрь горчичного порошка и набил листьями крапивы. Завернул в тряпку, кинул в багажник. В таком виде больше суток легко пролежат, сейчас не жарко уже. А к вечеру снова засел на берегу озерца. И история повторилась в точности. Опять утка выплыла на чистую воду, он тщательно прицелился и выстрелил. И опять промазал. Дичь снова исчезла. Обошел с собакой все озеро по периметру и ничего не нашел. Никогда еще, даже с самых юных лет, он не мазал так позорно. Просто напасть какая-то. Чёртова утка.

Выехав на трассу, включил музыку и притопил педаль акселератора. Дома перекусил и помылся. Вычистил ружьё. Аккуратно "закатал" десяток "свежих" патронов. И на следующий день, снова проехав более ста километров, ближе к вечеру (благо отпуск еще не закончился) вновь примостился

на берегу уже знакомого озера. В пролетевших над головой чирков стрелять не стал, бог с ними. Не хотелось испугнуть более крупную дичь. Он почему-то был твердо уверен, что и после двух выстрелов, утка снова должна появиться. И не ошибся. Ожидания подтвердились. Как и прежде, она бесшумно выплыла на закате. Совершенно чёрная утка по посадке походила на кряковую, но была раза в полтора крупнее. Нет, таких он точно еще никогда не встречал.

Высоко подняв голову, птица медленно двигалась вдоль противоположного берега по открытой воде, огибая травяные островки.

Егор медленно поднял ружьё, привычно прицелился, выдохнул из себя воздух и, затаив дыхание, плавно нажал на спусковой крючок. Эхо выстрела погасло в туманной дымке, тянувшейся по лугам из леса. Собака прыгнула в воду и поплыла. Внимательно следивший за происходящим охотник уже понял, что она снова ничего не найдет.

– Не может быть, – прошептал Егор.

Перезарядив ружьё, он прислонил его к дереву и закурил.

– М-да... Дела, – неудачливый стрелок позвал собаку и пошел к машине, – как же так? Непонятно...

Подойдя к автомобилю, задумался. До города далеко, завтра последний день отпуска. А тут странности интересные. Промазать с такого расстояния он не мог – это факт. Значит, либо подранок (или подранки?) каким-то образом заныряет под корягу и там погибает, либо это голимая чертовщи-

на. Но в чертей Егор не верил. Просто днем надо внимательно осмотреть этот водоем и постараться найти дичь. Не могла же она испариться.

Ночлег в избе с весёлыми хозяевами

Примерно в километре от озера примостилась какая-то брошенная деревушка. И, вроде как, в одном из домов виден свет. В машине спать неудобно, намучаешься, устанешь. Может попроситься на ночлег, а если не получится – переночевать в одном из брошенных домов? Все лучше, чем в салоне корчится. Одеядло теплое в багажнике есть.

Потихоньку, на первой скорости, благополучно доехал по старой, заросшей травой, дороге до самой околицы. Темнело. Безжизненные строения этой когда-то, по-видимому, многолюдной деревни угнетали беспощадным напоминанием о бренности бытия. Сколько трудов было положено на создание и обустройство этого человеческого жилья. Сколько мужицкого пота пролито на обтесанные тяжелыми железными топорами толстые брёвна. Сколько радостей и горестей людей, погасших в юдоли земной, растворено в стенах этих пустынных обителей.

Хозяева уехали. Огороды заросли чертополохом. Совсем умирает деревня. Возможно, летом дети и внуки бывших жителей еще наезжают сюда на пару дней набрать грибов и шашлык зажарить. Кто-то даже трубу печную может починить или отвалившийся узорный наличник гвоздями приколотить. А потом снова все надолго пустеет и не слышно в округе живого голоса.

Деревянный дом потеряв хозяев жить долго не может. Он болеть начинает без человеческого тепла от сырости и печали. Накрывает его Мать-Земля и роняет на чрево свое, чтобы, укрыв зеленым лишайником, обратить в прах творение рук человеческих.

Но в одном доме точно горит свет. Оставив машину на краю деревни, прихватив ружьё и рюкзак с едой, Егор, продравшись через заросли травы, постучал в двери.

На пороге возникла старая толстая женщина с жабьим лицом, одетая в темное длинное платье. В одной руке она держала керосиновую лампу, в другой топор. Бабища вопросительно кивнула, приподняв голову вверх и обнажив заросший щетиной здоровенный кадык.

Егор, хотя был смелым мужчиной, несколько заробел и невольно подался назад. Желание заночевать в этом доме у него пропало. Из-за спины страшной тетки раздался голос.

– Кто там, Настён? Охотника что ли занесло? Так пушай заходит.

В дверной проем протиснулся малорослый седой бородастый мужичок с улыбчивым лицом, налитым старческими яблочками. Размашисто махнув рукой, приветливо пригласил:

– Заходи, мил-человек. Не бойсь. Настён только с виду страшен, а в душе – добряк.

– Положи топор то, чучело, – обратился он к старухе, – напужал человека. Охотник это. Видишь, с ружьём.

Бабка, бросив топор в угол, отступила, пропуская гостя. В

избе было довольно чисто, топились печь. Керосиновая лампа тускло освещала небольшую комнату. На дощатом столе чугунок с картошкой, огурцы, грибы, оладьи.

– В аккурат к ужину поспел, везунчик, – хохотнул дедок, – садись уже к столу. У нас по-простому. Разносолов нет, но брюхо набить есть чем.

Егор, рассупонив рюкзак, достал и выложил на стол колбасу, кусок копчёного сала, белый хлеб, варёные яйца. Конфеты "Коровка" в прозрачной пакетице к чаю. Термос с кофе поставил.

– Напрасно ты это, – старик покосился на продукты и ухмыльнулся, – мы не нищие, гостя накормить можем.

– Да я подумал... – начал было Егор, но старик перебил:

– Ты кушай давай, нам с Настёном колбасу да сало нельзя. А вот хлеб белый редко едим и конфеты тоже, побалуемся сегодня.

– Мясо не едите совсем? – Поинтересовался охотник, – вера что ли не позволяет?

– Да нее... какая там вера. – старик снова лукаво улыбнулся, – просто не любим мы плоть чужую терзать, даже мертвую и в копчёном виде.

Егор чуть не подавился от его слов. С трудом прожевал кусок колбасы. Налил себе кофе, глотнул и с интересом посмотрел на старика, который тем временем вытащил из чугунка средних размеров картофелину, переломил ее пальцами пополам и не разжёвывая проглотил целиком. Бабка, си-

девшая за столом рядом с Егором, сделала то же самое. А потом протянула было за салом здоровенную волосатую руку, но старик наотмашь лупанул по ней маленьким кулачком и визгливо крикнул:

– Не замай! Стервятник! Конфеты вон соси, если чрево укротить не можешь.

– Ну, тудыть твою в качель, – подумал Егор, – занесла меня нелёгкая. Весёлая компания образовалась. Такие ребята могут ночью топором по башке тюкнуть. Картошку целиком глотают, психи.

Кушать расхотелось. Сидел за столом, пил кофе и смотрел на придурков, пожиравших картофелины. Проглатывая очередной клубень, хозяева избы задирали головы вверх, обнажая играющие на шее кадыки.

– Почему баба то с кадыком, – торкнула его мысль, – может мужик в женском платье?

Наевшись картошки с огурцами и напившись по очереди какого-то отвара прямо из чайника, хозяева, сыто рыгая, вылезли из-за стола. Старик лёг на лавку, стоявшую у стены и накрытую грязной овчиной, а страховидная баба, кряхтя и шумно портя воздух, полезла на печь.

Старичок неодобрительно смотрел на нее:

– Совсем страх потерял, сволочь, – он кивнул в сторону печи. Обрати внимание, это не женщина. Это сволочной старый пердун, делающий мою жизнь невыносимой. Переклинило его, в бабьи шмутки одевается. По пустым домам ста-

рые вещи ищет и наряжается. И называет себя Настей. Я его Настёном прозвал, на мужской манер. Приблудный он. Башку у него с катушек снесло, с тех пор чудит. Мышей ловит и глотает живьем. Отучить не могу. Нельзя нам мясо есть. Мясо мозг туманит и чутье уходит.

Старик погрозил кулаком выглядывающему из-за ситцевой занавески Настёну:

– У-у-у-у, сатанинское отродье! Будешь еще мышей жрать, я тебя напрочь выгоню, подохнешь в лесу то.

Толстый Настён спрятавшись за занавеску утробно завыл.
– Нишкни! – Прикрикнул дед, – не вой, поганец, не пугай гостя. Вот встану шас, приласкаю дрыном по горбу.

Завывания за занавеской затихли.

Повернувшись к Егору, старый хрыч широко улыбнулся:
– Ты не бойся нас, мил-человек. Смелый охотник. Другие бегут отсюда сломя голову, увидав Настёна. А ты не напужался, в гости зашел. За это уважаю. Мужик! Мы худого не сделаем, ты только сам себе не навреди. Самый страшный враг человека сидит внутри него самого. До смерти может довести. От недопонимания до неприятия существующих вещей всего один шаг. Шагнул – и все твое существо покалечено несоответствием пропитавших тебя с детства бесспорных истин и фактов, противоречащих им. И либо ты становишься инвалидом на всю оставшуюся жизнь с испорченной психикой, либо переходишь на другой уровень бытия, где прежние понятия ассиметрично смещены или вовсе по-

менялись местами.

Егор обалдело смотрел на разговорившегося старика:

– Ну, ты, дед, даешь, – от твоих туманных речей меня даже как-то повело и тоже ассиметрично сместило. Ты, случайно, не из когорты спившихся философов? Был у меня один такой случайный знакомый. Все мне про феномены и ноумены рассказывал, а потом уксусной эссенции вместо водки выпил и едва богу душу не отдал. Не смог, бедолага, ни чувствами, ни умом постичь, что в стакане отравка была. А хороший был философ. Сейчас ночным сторожем в морге работает. Говорит, что вид смерти делает его счастливым при мысли о том, что сам он пока живой. Ты, дедок, изъясняешься странно. Давай-ка попроще, сам то из каких будешь?

– Ведун я, мил-человек, слыхал про таких?

– Ну, скажем, слыхать слыхал, но видать не видал вживую. Что-то типа колдуна?

– Не совсем, – старик задумался, – мое дело предвидеть грядущее и упреждать события, а не менять ход жизни посредством чар в угоду чьим-то интересам. Покинув эту деревню, тебе лучше будет в скором времени забыть о нашей встрече. Так будет правильно. Ни к чему лишнее смятение мыслей, – старик улыбнулся, – и про утку чёрную забудь, которую три дня подстрелить не мог и потому здесь оказался.

– И про утку знаешь, – удивился Егор.

– Я прожил много лет и много знаю такого, что не надо знать тебе, – дед зажмурился и прикрыл ладонью глаза, – ты,

мил-человек, напрасно охотой увлекся. Птиц и зверей убиваешь – нехорошо это. Разве в твоём доме нет еды? А чёрную утку тебе не убить, потому что нет ее. Анчутка это болотный развлекается. Хотя ты в нечистую силу не веришь. Родители твои материалистами были, ни в бога, ни в черта не верили и тебя этому научили. И не верь, если не хочешь. Зачем себя принуждать. Каждому воздастся по вере его. Кстати, неверие – это тоже вера. Ущербная вера в то, что нет ничего, выходящего за пределы человеческого разума. Это удобная вера. Все, что непонятно – можно не принимать и отрицать, либо просто не обращать внимания на некоторые вещи. Меня по-другому воспитали. По заветам старины учили видеть с закрытыми глазами, чувствовать биение не только своего, но и чужих сердец, всячески развивали во мне способности, заложенные в нас Матерью-Природой, о которых большинство твоих современников и не подозревает. Учили отличать добро от зла. Я много сейчас умею. Потолкавшись на житейском поприще, мог бы сделать карьеру и управлять людьми. Но я не хочу. Управлять людьми – удел Бога. Не надо стараться потеснить его, он этого не любит. Все ваши "кормчие" в какой-то мере ущербны. Одни молятся Мамоне и цель их жизни – преумножить нажитое богатство, ставя эту цель выше всего. Другие бредят славой и постоянно добиваются признания общества, для них орден на груди – это апогей человеческого благополучия. Третьи – просто жулики, я о них и говорить не хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.